

В.М. Паперный

О последней книге С.М.Шварцбанда

Публикуемый ниже текст представляет собой фрагмент (одну из глав) последней книги С.М.Шварцбанда «Пушкин: мысли прозы».

На протяжении последнего десятилетия С.М. был тяжело больным человеком, страдал от перебоев дыхания и с большим трудом ходил. Он любил путешествовать и много путешествовал по миру (особенно любил Рим), но пространство его существования постепенно сужалось до пределов его квартиры в Петах-Тикве. Однако несмотря на все эти признаки угасания (а возможно, именно потому, что угасание его было медленным), его смерть оказалась и для его семьи, и для для его друзей событием внезапным.

На мой стандартный вопрос, с которого я обыкновенно начинал телефонный разговор с ним: «Сеня, ты еще живой?», он отвечал столь же стандартным образом: «Полуживой». Казалось, что это его «полуживое» состояние, состояние бодрого духа в больном теле, будет продолжаться еще очень долго...

Казалось другим, но не ему самому. О своей книге «Пушкин: мысли прозы» С.М. говорил как о последней, и он торопился ее завершить – торопился настолько, что начал составлять ее окончательный текст еще до того, как все ее главы были дописаны до конца. Полный состав этой книги еще предстоит установить – завершенная и отредактированная ее часть – это 115 страниц подготовленного к печати текста.

Последняя книга С.М.Шварцбанда открывается вводной главой, которую автор примечательным образом озаглавил так: «Памятная записка». Это заглавие полностью соответствует содержанию главы: в ней С.М. отчетливо описывает как предмет своих научных занятий, так и свою методологическую позицию. Описание это, однако, весьма своеобразно: теоретические рассуждения соединены в нем с элементами автобиографии, с рассказом о том, как автор пришел к своим идеям. Этот рассказ продолжается затем в последующих главах книги, в которые включены мемуарные фрагменты, специально выделенные в тексте и озаглавленные как «отступления от темы» (два таких отступления читатель прочтет в публикуемой здесь главе книги).

«Мне показалось уместным – пишет в «Памятной записке» С.М.Шварцбанд – в повествование о прозе Пушкина включить некоторые характерные частные подробности из собственной жизни». В этом скромном определении роли автобиографического компонента его книги автор лукавит. Автобиографизм для его книги принципиален, и вот почему. По общему характеру своих научных взглядов С.М.Шварцбанд был архаистом. В «Памятной записке» он рассказывает о том, как еще юности, в годы учения он испытал очарование «теории сигнала», «общей теории систем» и кибернетики. Более того, он, с одной стороны, ссылается на эти теории как на источник своих общенаучных представлений, а с другой – дает понять, что позднейшие теории, структурализм (в особенности, структуралистская

теория текста) и пост-структурализм (в особенности, теория интертекстуальности) для него неприемлемы. В устных беседах, надо заметить, С.М. был уже совсем категоричен в своем осуждении структурализма и (пост)структуралистской теории интертекстуальности, которую он иначе как «интерсексуальностью» и не именовал. В разговорах с С.М. на эти темы было ясно видно, что эти теории были для него не фактами истории, не фактами прошлого, каковыми они являются с точки зрения сегодняшнего дня, но фактами настоящего – как если бы сегодня все еще продолжались семидесятые годы прошлого века.

С точки зрения С.М.Шварцбанда, единственным легитимным предметом литературоведческого изучения являются не литературные тексты, а «мысли автора», которые могут быть реконструированы посредством одновременного изучения его завершенных текстов, его черновиков и его биографии.

Основным, главным, в сущности, единственным, предметом изучения был для С.М.Шварцбанда Пушкин, которого он стремился понять именно с указанной точки зрения, вновь и вновь, и часто неоднократно, обращаясь к его текстам. С.М.Шварцбанд был пушкинистом, одним из последних пушкинистов. Пушкинистика, в недалеком прошлом отдельная научная дисциплина, к настоящему времени уже почти совсем растворилась в общем озере литературоведческого знания. Но в работах С.М.Шварцбанда она продолжала жить. Однако если мы спросим, как оценивал С.М. достижения пушкинистики, то в его книге «Пушкин: мысли прозы» мы получим очень простой и однозначный ответ на этот вопрос: как не очень значительные. С.М. очень ясно это и говорил. Не случайно ведь в качестве эпиграфа к своей последней книге С.М. избрал слова, еще в давние времена сказанные Г.О.Винокуром: «будем откровенны и признаемся, что ... мы систематически разучивались понимать Пушкина». В публикуемой здесь главе этой книги есть «отступление от темы» (читатель обратит на него свое внимание), где С.М. приводит слова В.Д.Левина о том, что «вся пушкинистика вышла, как из гоголевской шинели», из биографии Пушкина, созданной его современником П.В.Анненковым, и затем так эти слова комментирует: «Прошло уже тридцать лет после того разговора, а я по-прежнему все пытаюсь вырваться из-под глыбы первой и не во всем *научной* работы П. В. Анненкова...»

С уважением и теплотой отзываясь о пушкинистах - и о тех, с которыми он был близко знаком лично (С.М.Бонди, Л.С.Сидяков и др.), и о тех, которых он знал по их трудам, - С.М. был не удовлетворен успехами пушкинистики и надеялся своей работой поправить дело. Но при этом вдохновлявшие его образцы «понимания Пушкина» всегда находились в прошлом – это были П.В.Анненков и «ранние» пушкинисты конца 19 – начала 20 века. Об этом С.М. часто прямо говорил мне в наших беседах, не будучи связанным в них правилами научного этикета, которые он строго придерживался в своих публикациях.

В сущности, отношение С.М. к пушкинистам и пушкинистике содержало в себе элемент своего рода ревности: он любил Пушкина и с подозрением относился к другим его поклонникам. Кажется, именно его любовь к Пушкину и его стремление изучать Пушкина и поддерживали в нем огонь жизни в его последние, трудные, очень трудные для него годы.

С.М. Шварцбанд

Арап Петра Великого

[глава из книги "Пушкин: мысли прозы"]

Исходя из того, что «редакция "Современника" ближе к подлиннику, чем та, которая принята в посмертном издании»¹, П. В. Анненков в 1855 г. начертил достаточно общую историю текста в *редационной номинации* «Арап Петра Великого»: «Половину этого романа или этой повести, Пушкин написал в селе Михайловском, в 1827 году, а начал повествование, может быть, еще и ранее. Одна глава его, именно IV, была напечатана им в "Северных Цветах" на 1829 год, под названием: "IV глава из Исторического романа". Через год Пушкин поместил отрывок из III главы в "Литературной Газете" 1830 года, изд. Барона Дельвига, № 13. Отрывок назывался "Ассамблея при Петре I", и к нему была сделана следующая выноска: "См. Голикова и Русскую старину"»².

Н. В. Измайлов, подводя итоги текстологическим описаниям, особо подчеркнул, что «один вопрос требует разрешения при подготовке нового издания, да и независимо от него: необходимо пересмотреть и установить редакторские заглавия для ряда произведений, не озаглавленных Пушкиным» — «Дело в том, что в редакторских заглавиях далеко не все благополучно. Многие заглавия, установленные еще посмертным изданием 1838-1841 годов, оказались удачными и выдержали испытание временем: "Арап Петра Великого"»³. Приведенное в качестве примера название романа, было *неудачным*: кого только потом не назначали пушкинисты на заглавную роль — и самого Петра, и стрелецкого сына, оставляя Ибрагиму лишь второстепенное место... Впрочем, данное название выдержало *испытание временем* только в силу традиции, идущей еще с первого издания Пушкина и многократно повторяемой во всех остальных собраниях сочинений⁴.

Достоверно же читателям известны только «два отрывка», как писал В. Г. Белинский об «Ассамблее при Петре Великом» и «Обеде у русского боярина», опубликованные при жизни Пушкина⁵.

¹ Анненков П. В. Примечания ко второму разделу. IN: Сочинения Пушкина. В 7 тт. СПб., 1857, т. V, с. 525. См.: Арап Петра Великого. IN: Сочинения А. Пушкина. [В 11 тт.]. СПб., 1838-1841, т. XI, с. 3-70.

² Анненков П. В. Примечания ко второму разделу, т. V, *ibid.*, с. 527.

³ Измайлов Н. В. Текстология. IN: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966, с. 605.

⁴ См., библиографическую справку В. Я. Брюсова IN: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Том первый. Часть первая. Под ред. Валерия Брюсова. М., 1920, с. 398. «Названия изданий (сочинений Пушкина): Академическое т.-е. Академии Наук, 4 т., Спб. 1899-1916 г.; Анненкова т.-е. под ред. П. В. Анненкова, 7 т., Спб. 1855-1857 г.; Ефремова т.-е. С. А. Суворина под ред. П. А. Ефремова, 8 т., Спб. 1903 и сл., Литературного Фонда т.-е. О-ва пособия нуждающимся литераторам и ученым, Спб. 1887 г.; Морозова т.-е. "Просвещения" под ред. П. О. Морозова, 8 т., Спб. 1903 г. и сл.; Посмертное т.-е. Спб. 1838-1841 г.».

⁵ [Рецензия] Повести, изданные Александром Пушкиным. Санкт-Петербург, печатано в типографии Х. Гинце. 1834. IN: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. В 13 тт. М., 1953-1959, т. I, с. 139-140.

Указанная редактором <<Арапа Петра Великого>> в «большом академи-ческом» издании Д. П. Якубовичем последовательность и датировки запи-сей были заимствованы из комментариев издателей «собрания сочинений» Пушкина — начиная с Анненковского, а затем повторенных в Ефремовских, Морозовских, Венгеровском и т.д. изданиях, сведенных воедино Ю. Г. Оксманом в информативной статье «Путеводителя по Пушкину»⁶.

При этом датировка начала работы над романом (1827-1828, осень 1827, наконец, конец июля или «точно» 31 июля) была не только не текстологиче-ской, но и, кажется, *недостоверно* выведенной из письма Пушкина царско-сельскому *товарищу, издателю и поэту* «Северных Цветов» А. А. Дельвигу от 31 июля 1827 г.: «Вот тебе обещанная Элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из Онегина, отр.<ывок> из Бориса да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках Моск.<овский> вестник, и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепае твоего деда, то мы и его тиснем. *Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу* (курсив — С. Ш.). Пиши мне о своих занятиях» (т. XIII, с. 334). Сперва В. П. Гаевский в «Современнике» (1853), а затем П. В. Анненков в «Материалах для биографии Пушкина» (1855) опубликовали неполный текст письма (см. примечания: т. XIII, с. 512-513). При этом он сопровождал свою публикацию интерпретационным комментарием («остановимся на словах автора: "...покамест принялся за прозу"»): «Он принялся за прозу, и это была первая проза, выражаясь его словами, которую представил он публике на другой год в форме Мыслей и замечаний, напечатанных в Северных Цветах на 1828 год... Довольно странно, что беглые мысли Пушкина, набросанные с твердостью руки, обличающей мастера... пропущены были... посмертным изданием его сочинений, которое не обратило даже внимания на стихи его, помещенные между ними. В то же лето и началом осени 1827 года, Пушкин написал уже большую часть исторической повести: Арап Петра Великого, которая задумана была еще в 1826 году. Романом этим Пушкин положил основание простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достоянием и не имел подражателей»⁷.

Прежде всего, вряд ли нужно говорить, что «покамест принялся я за прозу» соотносится отнюдь не с родом литературы, а с противопоставлением этого термина другому — «стихи».

⁶ См.: Оксман Ю. Г. «Арап Петра Великого» (Путеводитель по Пушкину). IN: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 тт. Под общей ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.-Л., 1930-1931, т. VI, с. 40-41.

⁷ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. IN: Сочинения Пушкина. В 7 тт. СПб., 1855-1857, т. I, 1855, с. 198.

Однако, к чести Анненкова, его интерпретация выражения Пушкина была справедлива по отношению к нехудожественной («Мысли и замечания», хотя между ними и встречались стихи) и к... художественной прозе («Арап Петра Великого»).

Отступление от темы

Иногда В. Д. Левин засиживался у нас допоздна. Наши беседы могли бы продолжаться сколь угодно долго...

Мы были внимательными слушателями: он мог делиться не только своими наблюдениями, но и задушевными мыслями. Помнится, в зимний вечер 1988-89 г. разговор наш зашел о докторантах Еврейского университета, и почему-то мы стали беседовать о тематике научных журналов и публикациях в околонучной литературе.

Весело подтрунивая надо мной и моей книгой «Логика художественного поиска А. С. Пушкина», Виктор Давыдович заговорил о Иерусалимской национальной библиотеке, в которой я обнаружил «Альбом в сафьяновом переплете», а я неуверенно пытался защититься, ссылаясь на недоступность старых изданий и рукописей Пушкина. При этом я сгоряча посетовал на то, что, мол, П. В. Анненков, заполучив пушкинский архив, сидел дома и писал свои «Материалы для биографии Пушкина». Разомлевший от горячего чая, мой собеседник вдруг преобразился и величаво произнес: «Ну, что Вы, право! Вы должны быть благодарны ему, ведь нет ни одной книги, статьи или диссертации, так или иначе не зависящей от Анненковской биографии. Вся пушкинистика вышла из него, как из гоголевской шинели».

Я был удивлен и озадачен...

Прошло уже тридцать лет после того разговора, а я по-прежнему все пытаюсь вырваться из-под глыбы первой и не во всем *научной* работы П. В. Анненкова...

«Заслугой» пушкинистов стали многочисленные *текстологические* верификации описания Анненкова.

Во-первых, они безапелляционно заявили: «Следует думать, что к июлю 1827 года, когда Пушкин выехал в Михайловское, у него не только вполне сложился замысел «Арапа Петра Великого», но и был выработан четкий план всего произведения. Это видно из того, что работа над романом была начата в первые же дни после приезда в Михайловское. Уже 31 июля Пушкин писал А. А. Дельвигу: «Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу» (XIII, 334). Этой прозой и был «Арап Петра Великого»⁸.

Во-вторых, считая, что работа началась лишь в 1827 г., они никак не комментировали тот факт, что историческая повесть, по Анненкову, «задумана была еще в 1826 году». Справедливость замечания Анненкова имеет свои эвентуальные обоснования. Достаточно перечитать четырехтомную «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», чтобы это замечание Анненкова обернулось истиной: «Ноябрь, 19. <Из

⁸ Лапкина Г.А. К истории создания «Арапа Петра Великого». IN: Пушкин. Исследования и материалы. М.-Л., 1958, т. II, с. 294.

автобиографических записок> ("1824. Ноябрь 19. Воспоминание о первой (в 1817г.) и, вероятно, второй (в 1824 г.) встрече с П. А. Ганнибалом... Ноябрь (?)... 1825. Февраль (?). Пометы Пушкина в книге К. Н. Батюшкова "Опыты в стихах и прозе" (СПб., 1817). 1824. Ноябрь... 1826. Отрывок о Карамзине... 1824. Декабрь, 1-3... 1825. Январь, 10 (?). Подготовительные заметки к Борису Годунову... План трагедии... Работа... в тетради ПД, № 835... 1824-1825. Пушкин в Михайловском внимательно читал труд Голикова И. И. "Деяния Петра Великого"... — "Дополнения к Деяниям...". 1824... 1826 (?) Пометы на копии письма Екатерины II к А. П. Ганнибалу⁹...» (Н. А. Тархова, т. 1, с. 433-473). Таким образом, описание черновиков должно включать все материалы, связанные с образом А. П. Ганнибала. Приходится констатировать, что все они имеют точную начальную границу времени — с осени 1824 г. Это отмечали разные исследователи, но текстологических выводов сделано не было.

Правда, В. Б. Сандомирская категорически считала, что «ряд соответствий между произведениями Батюшкова и творческими замыслами Пушкина 1821-1824 гг., а также несомненная связь помет в "Опытах" с работой Пушкина по подготовке собрания своих стихотворений, план которого вполне сформировался в его сознании к концу 1824 г., позволяют нам датировать пушкинские пометы в "Опытах" Батюшкова 1821-1824 гг.»¹⁰.

В 1988 г. Д. И. Белкин дополнил мнение текстолога: «Начало работы над романом, как показывают исследования последних лет, близко ко времени нового прочтения в Михайловском "Опытов" К. Н. Батюшкова. Это произведение оказало немалое воздействие "на выработку суждений о Монтескье русских прогрессивных писателей и мыслителей первой четверти XIX в."... В романе Пушкина Монтескье указан среди знаменитостей, с которыми Ибрагим встречался на званых ужинах. На этой художественной детали — встречах с Монтескье... (что вряд ли имело место в действительности), необходимо остановиться подробнее. Перед нами пример реализации Пушкиным одного из самых важных для него нравственно-этических требований к человеку и государству...»¹¹.

Итак, по мнению Д. И. Белкина, «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова являются уже с ноября 1824 г. одним из источников замысла романа Пушкина.

Не менее интересно и то, что пушкинская оценка стихотворения Батюшкова и его комментарий одной строки из стихотворения «Ни под защитою Альфонсова дворца...» — «Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое» (т. XII, с. 284) привлекли внимание исследователей.

⁹ Именно эта биографическая деталь впоследствии отзовется в письме, сохраняемом во флигеле потомками П. А. Гринева, в «Капитанской дочке», подтверждая феномен памяти А. С. Пушкина.

¹⁰ Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части "Опытов" Батюшкова. IN: Временник Пушкинской комиссии, 1972, Л., 1974, с. 35.

¹¹ Белкин Д. И. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина. IN: Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22, с. 124-125.

Р. М. Горохова, анализируя эту помету Пушкина на книге «Опыты в стихах и прозе» и стихотворение К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс», отметила: «Пушкин выразил свою мысль точно (он не написал: "а не поэтическое"). Из сферы поэтического вовсе не изгоняется историческое. Наоборот, как известно, Пушкин включал историческое в поэтическое. Но одной исторической правды вовсе недостаточно, чтобы она стала правдой поэтической. И эта реплика... отчетливо выражает мысль Пушкина, что образ смирившегося умирающего Тассо нарисован Батюшковым исторически достоверно, но эта достоверность, эта "проза жизни" не может быть предметом поэзии при изображении великого певца»¹².

Но точно таким же источником, каким являлись «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, был и труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого», с которым Пушкин ознакомился в «библиотеке в Тригорском» (1824-1825 гг.): для занимающихся исследованиями «исторического романа» становится «ясной необходимостью понять место "голиковской прозы" в кругу литературных источников "Бориса Годунова"»¹³, не говоря уже об «Арапе Петра Великого».

15 февраля 1825 г. вышла из печати первая глава «Евгения Онегина» — в 11 примечании Пушкин поместил краткую биографию Абрама Ганнибала¹⁴.

«Когда писалось это примечание, — писала Я. Л. Левкович. — "полной его биографии" в руках Пушкина еще не было.... Получив в руки такой важный для Записок документ, он сразу же взялся переводить его на русский... Ошибки в примечании к "Онегину" Пушкин исправить уже не мог, но в рукопись он правку, конечно, внес...»¹⁵.

Впрочем, для текстологического описания важно не только, когда было опубликовано примечание об Аннибале, но и когда оно было написано.

Автограф появился в 1824 г. С. А. Фомичев уточнил: в 20-х числах октября в ПД, № 835 на л. 33-33 об. «пишется примечание об А. П. Аннибале...»¹⁶. Таким образом, к 20-м числам октября 1824 г. надо относить и первые автографы прозаического замысла:

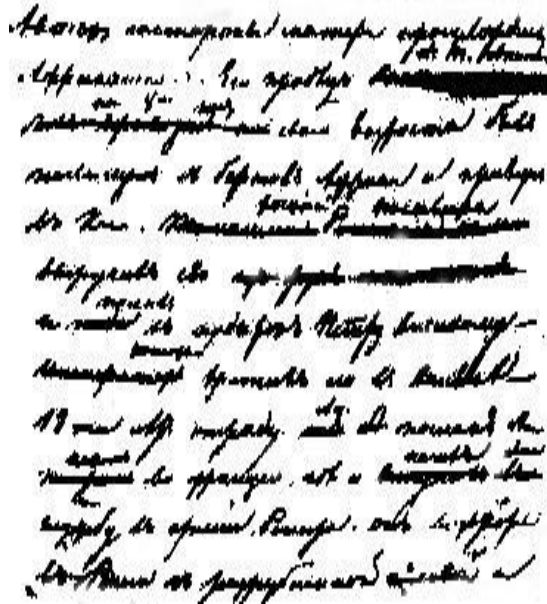
¹² Горохова Р. М. Пушкин и элегия Батюшкова «Умиравший Тасс» (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова). IN: Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л., 1979, с. 31.

¹³ Листов В. С., Тархова Н. А. Труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого...» в кругу источников трагедии «Борис Годунов». IN: Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л., 1983, с. 114.

¹⁴ См.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. СПб., 1825, с. 57-59.

¹⁵ Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988, с. 101-103.

¹⁶ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений), *ibid.*, с. 42.

«Автор со стороны матери происхождения Африканского. Его прадед А. П. Аннибал на 8-м году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Кон<стантинополь>. Российский посланник вырчил его и послал в подарок Петру великому — который крестил его в Вильне. — 18-ти лет отроду Ан<нибал> послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии Регента. Он возвратился в Россию с разрубленной головой и » (т. VI, с. 530).

С такой датировкой согласуются и очерки А. О. Корниловича «О первых балах в России» и «Об увеселениях российского двора при Петре I», кото-рые были напечатаны в 1823-1824 гг. задолго до выхода «карманной книж-ки»¹⁷.

Возможно, Пушкин познакомился с ними еще до отъезда в 1826 г. с фельдъегерем из Михайловского в Москву, поскольку в этих выпусках «Полярной звезды» были напечатаны и его стихотворения.

Оба наброска «Мне жаль великия жены...» и «Как жениться задумал царский арап...» (октябрь-ноябрь 1824 г.) вместе с примечанием «об Аннибале» в той или иной мере способствовали оформлению замысла «исторического романа».

Отступление от темы

В 1968-1969 г. я оказался в пединституте имени Герцена на факультете повышения квалификации (Ленинград). Все мои сокурсники уже были кандидатами, а среди них даже два доктора — из Ужгорода и из Черновиц.

¹⁷ «Полярная звезда на 1823 год» прошла цензуру 30 ноября 1822 г., а «Полярная звезда на 1824 год» - 20 декабря 1823 г. См.: Н. Сиявский и М. Цявловский. Пушкин в печати, *ibid.*, с. 20 и с. 23.

Хорошо помню молодого доцента Л. Н. Таганова, прекрасного спорщика и заводилу из Иваново.

Ко мне относились весело из-за «анекдотической» кликухи «один, совсем один»: один — *юноша* (мне было всего 28 лет!), один — *не кандидат*, один — *бийчанин*, один — *еврей*...

Последнее особенно обыгрывалось: многие из преподавателей (Наум Яковлевич Берковский, Яков Семенович Билинкис Дина Клементьевна Мотольская¹⁸, Александр Иосифович Гербстман, Ефим Григорьевич Эткинд и др.) также были помечены пятым пунктом. И шутка в мой адрес после выступления или ремарки обычно звучала так: «Ну, да! Он же у нас *один!*». И вся группа хихикала к неведению преподавателей...

Среди «незапатентованных» лекторов уважением пользовались Борис Федорович Егоров, Мария Леонтьевна Семанова, Борис Иванович Бурсов. Владимир Николаевич Альфонсов. Особо отмечу лекции приглашенного на ФПК Ю. М. Лотмана которые посещали не только курсанты, но и большинство кафедралов.

Обсуждение лекций продолжалось в маленьком кафе.

Мне запомнилась одна история, рассказанная за *кофепитием* Д. К. Мотольской¹⁹: «После публикации статьи Сталина ректор А. Д. Боборыкин назначил заседание научного совета. Председательствовал проректор по научной и учебной работе В. А. Десницкий.

После многих муторных выступлений, вдруг председательствующий встал и мрачным голосом произнес: "Товарищи, я вас не понимаю. И. В. Сталин только вчера опубликовал свою статью (сидящие в заднем ряду молодые люди — добавила Дина Клементьевна, — с широкими плечами привстали), а наши ученые уже два с половиной часа обсуждают ее (молодые люди двинулись в сторону президиума). Чтобы обсуждать гениальную статью И. В. Сталина (рассказывая, Дина Клементьевна прижала руку к сердцу), нужно ее обдумывать не только несколько недель, но и несколько месяцев, и лет. Я обращаюсь к ректору — немедленно прекратить это безобразие!". В. А. Десницкий тяжело опустился на стул, достал носовой платок и стал вытирать пот. Академик Боборыкин бросился к кафедре и, закрывая собрание ученого совета, сразу же назначил новую дату — 12 октября».

¹⁸ См. письмо Л. С. Левитан и Л. М. Цилевич к Д. К. Мотольской от 1.02.97: «В декабре мы были в Иерусалиме на международном конгрессе «Иерусалим в славянской культурной и религиозной традиции». Организатором конгресса был наш общий знакомый Сеня Шварцбанд. Познакомились с Ильей Захаровичем Серманом и Софьей Давыдовной Гурвич-Лицинер». IN: Ее тепла хватало на всех... Книга о Дине Клементьевне Мотольской. СПб., 2009, с. 309.

¹⁹ Ср. из письма И. З. Перченков об Исаевой Л. В.: «...входим в аудиторию на следующий день после напечатанных в "Правде" "Трудов Сталина по языкознанию"... и спрашиваем, как она к этому относится. Она в ответ: газеты не читала». IN: Ее тепла хватало на всех... Книга о Дине Клементьевне Мотольской. СПб., 2009, с. 329.

Свой рассказ Дина Клеменьевна кончила тем, что в гардеробе А. В. Десницкий стал торопить ее. И на улице, она сказала, что страшно испугалась за него, а он по мальчишески бросил: "Диночка, у нас бы пропадали билеты в кино. Вот и пришлось мне закрыть совет"».

Несомненно, что в лаборатории писателя бывает всякое. Более того, тончайшие капилляры прежних опытов пронизывают оригинальный и самобытный мир творца и подсказывают ему «правила игры» и сочинительские тактику и стратегию.

Н. В. Измайлов был абсолютно прав, считая, что «первый исторический роман Пушкина требует еще углубленного исследования»²⁰.

Основные рукописные источники романа <«Арап Петра Великого»> хорошо известны (т. VIII/ 2, с. 1049): «В настоящее время рукописи романа хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР (в дальнейшем — ПД) — ф. 244, оп. 1, №№ 833, 836, 837... Все сохранившиеся части черновых автографов романа см. VIII, 2, 521-533»²¹.

Видимо, уточненную датировку работы Пушкина над «историческим романом» целесообразно выводить не только из полистных описаний заполнения той или иной рабочей тетради.

Однако, несмотря на то, что текстологические описания строятся на эвентуальных (при определенных условиях) основаниях, необходимо понимать их условность и неокончателность. Неотменяемость принципа эвентуальности в качестве условия моделирования сочинительского процесса требует от нас не столько «твердо установленных» характеристик, сколько утверждения их допустимости. И только.

Через 37 лет после статьи Г. А. Лапкиной, появились «истории заполнения» рабочих тетрадью ПД, № 833 и ПД, № 836 Р. В. Иезуитовой. Она решила «упорядочить» автографы романа по «большому академическому» изданию («Сдано в набор 29 мая 1938 г. Подписано к печати 31 июля 1940 г.»)²².

«Сборка» в некий «сплошной текст» автографов, подготовленных Д. П. Якубовичем к печати еще в 1938 г., был в 1995 г. *анахронизмом* при ничего не объясняющем

²⁰ Измайлов Н. В. Художественная проза Пушкина. IN: Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966. с. 482.

²¹ Лапкина Г.А. К истории создания «Арапа Петра Великого», т. II, с. с. 294, прим. 4.

²² Несомненно, «звездная» редакция, готовившая художественную прозу Пушкина в составе С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Л. Л. Домгера, Н. В. Измайлова, И. Н. Медведевой, Л. Б. Модзалевского, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Д. П. Якубовича, заслуживала полного доверия, однако статья Р. В. Иезуитовой была опубликована через 55 лет после их работы и выхода в свет множества исследований, которые текстолог обязан был учитывать. Поэтому «пазл», складываемый исследовательницей (точнее, наложенный ею), сохранил не только текст 1940 г. со всеми просчетами и недоговорками устаревшего конструирования, но и добавил многочисленные «шумы и помехи».

утверждении, что параллельная работа «в двух тетрадах (№ 836 и № 833) — характерная особенность лета-осени 1827 г.»²³.

Сочинительство по своей природе в высшей степени интимно, и «открывать» тайну творчества за счет *ретроспекции* любого толка выглядит *противоправным* доказательством. Я уж не говорю о том, что плодами *ретроспективной интерпретации* всегда являются ложные утверждения, которые рано или поздно будут отвергнуты...

Впрочем, моя критика имеет отношение только к *общей идеологии* текстологов, в том числе Г. А. Лапкиной и Р. В. Иезуитовой, что вовсе не отменяет ценности их отдельных и частных наблюдений.

Ученый, описывающий творчество того или иного художника, обязан видеть дальше своих предшественников, поскольку, по известному афоризму Исаака Ньютона, он стоит «на плечах гигантов».

Однако при этом он чаще всего, как любил добавлять в своих лекциях Эткинд Е. Г., «не видит того, что лежит под его ногами».

Пушкин в 1824-1825 гг. много читал и о многом размышлял.

Кроме «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, он перечитал и Шекспира, и Тацита, и записки Наполеона, и многое другое.

На л. 60 в ПД, 833 (на оборотной стороне л. 60 был записан «медиативный» фрагмент) Пушкин записал несколько фраз, которые впоследствии были опубликованы в составе «Замечаний на Анналы Тацита». Время этой отдельной записи из «Замечаний» якобы было «спродуцировано» работой над фрагментами <Арапа Петра Великого> в ПД 833: «Датируется 1825-1827 (первые 8 заметок *не позднее июля 1825*, 9-я заметка — 1827 г.)» (т. XII, с. 459):

²³ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833, (История заполнения). IN: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1995, т. XV, с. 259.

В таковыя глубок^{ими} суждения
 не удивительно, что Тацит, [бич] тиранов, не
 нравился Наполеону; удивительно чистосердечие Наполеона, в том признававшегося,
 не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана [к карателю]» (т. XII,
 с. 194).

Во-первых, чрезвычайно спорно считать, что, записав первые восемь параграфов замечаний в 1825 г., Пушкин лишь в 1827 г., продолжил размышлять над «Анналами» Тацита и записал рассуждение о Наполеоне. Во-вторых, не вызывает сомнений тот факт, что «Анналы», как и перечитывание «довольно слабой поэмы Шекспира» (т. XI, с. 188), стали источниками замысла поэмы «Граф Нулин» (декабрь 1825 г.).

Считать, что «в августе 1827 г. тетрадь № 836 использовалась по преимуществу для работы над „Арапом Петра Великого” (первой главой) и „Евгением Онегиным” (седьмой главой), тогда как ПД, № 833 была отдана литературно-критическим замыслам»²⁴ за счет «волевой» приписки к 1827 году девятого параграфа заметки о Наполеоне, хотя восемь параграфов «Анналов» Тацита были составлены в 1825 году — ошибочно и алогично. Столь же сомнительно и то, что над романом <«Арап Петра Великого»> в тетради ПД, № 833, по мнению Р. В. Иезуитовой, велась Пушкиным²⁵ с 31 июля 1827 г.

²⁴ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 259.

²⁵ См.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 258.

Но эту датировку на основе письма А. А. Дельвигу, как уже было отмечено, использовать напрямую для установления времени написания черновиков романа <<Арапа Петра Великого>> также нельзя.

Впрочем, сама Р. В. Иезуитова об этом помнит, указывая наряду с романом и на *нехудожественную публицистику* — работа Пушкина «касается не только „Арапа” и „Черепя”, но и создаваемых „Отрывков из писем, мыслей и замечаний”, также предназначавшихся для „Северных цветов” Дельвига»²⁶.

Описывая рабочую тетрадь ПД, № 833 и ведя счет сохранившихся листов с конца в «перевернутом (верхом вниз) положении», Р. В. Иезуитова уточняла: «Л. 83. (то есть л. 61 по маркировке «посмертного обыска» — С. Ш.) Черновой автограф начала письма Ибрагима к Леоноре из „Арапа Петра Великого”... Между листами 83 и 82 корешки вырванных листов с остатка-ми текста „Арапа Петра Великого”... Л. 82 об. (то есть л. 60 об.) Фрагмент чернового автографа второй главы „Арапа Петра Великого”»²⁷.

Объявив время записи о Таците на основе представлений о начале работы над «черновым автографом» второй главы в ПД, № 833 и декларируя время этого автографа *ложной* интерпретацией письма Пушкина к Дельвигу от 31 июля 1827 г., текстологи, начиная с П. Д. Якубовича вплоть до Г. А. Лапкиной и Р. В. Иезуитовой, пришли к выводу о том, что записи в ПД, № 833 были сделаны Пушкиным *после* того, как он *сперва* разрабатывал «исторический роман» в ПД, № 836.

Затем при составлении перебеленной рукописи в ПД, № 837 *из* ПД, № 833 *были вырваны* 9 листов!

В этих представлениях основную роль играют вырванные Пушкиным листы из тетради ПД, № 833.

Визуальная картинка, надеюсь, объяснит мое неприятие этой максимы (вырванные листы обозначены в «перевернутом (верхом вниз) положении» в последовательности счета с л. 83 до л. 82 — первым указываю лицевую сторону, а за ней оборотную):

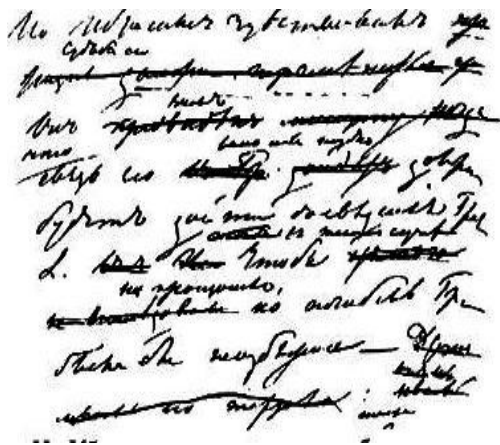
²⁶ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 259.

²⁷ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 241.

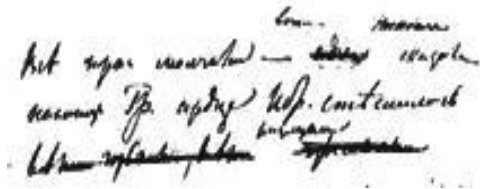
Конечно, заявлять это в качестве «установленной истины» возможно, также как и не соглашаться с нею, поскольку мы все-таки не знаем достоверно, что было записано на 9 листах, хотя это «однозначно» определено всеми, кто работал с этими тетрадами, начиная с П. В. Анненкова и В. Е. Якушкина. Но, кроме традиции «утверждений», у нас нет... ничего.

Этот факт отсутствия листов с доказательными следами каких-то конкретных записей позволяет сформулировать два решения: записи «письма» на л. 61 и «медиативные рассуждения» на л. 60 об. в ПД 833 *появились до того*, как Пушкин вырвал девять листов или же они появились *после «акта» их вырывания*. П. Д. Якубович сперва поставил текст с л. 21 об. в ПД, № 836. Затем следовал фрагмент с л. 22. Замыкал весь последовательный фрагмент черновик с л. 22 об. в ПД 836. Эти автографы, по мнению редактора академического текста, предшествовали записям в ПД № 833:

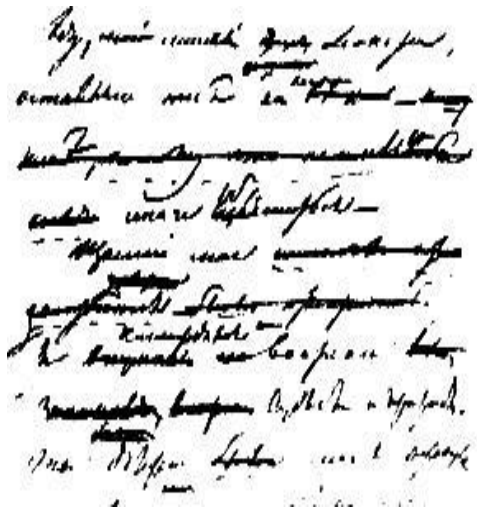
«Но Ибрагим чувствовал что судьба его должна перемениться. Он знал что связь его рано или поздно должна будет дойти до сведения графа Л. Чтобы в таком случае ни

произошло, но гибель гра<фини> была бы неизбежна. [Другая мысль его терзала]...» (т.VIII/2, с. 521).

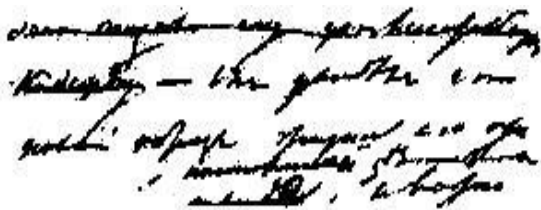
«Все трое молчали. “Bonne nuit“, сказала наконец графиня. Сердце Ибрагима стеснилось...» (т.VIII/2, с. 523)

Редакторская логика П. Д. Якубовича следовала за сюжетным построением: сперва шло письмо, написанное в ПД 833 на л. 61 (т. VIII /2, с. 523), по счету Р. В. Иезуитовой л. 83:

«Я еду, милая Леонора, оставляю тебя на всегда — Пишу тебе, потому что не имею сил иначе объясниться — Счастье мое не могло продолжиться Я наслаждался им вопреки Судьбы и Природы. Ты должна была меня оставить...» (т. VIII /2, с. 523).

После девяти вырванных на следующем листе 60 об. в ПД 833, по счету Иезуитовой 82 об., Пушкин записал новый фрагмент:

«[Это подало ему утешительную надежду] — Он видел что новый образ жизни его ожидающий, постоянная деятельность, и важные занятия могут оживить его душу...» (т. VIII/2, с. 524).

Но всё, чем мы располагаем, подчас предстает как достаточно размытые сигналы, своевольно приписываемые к истории создания «исторического романа».

По мнению Р. В. Иезуитовой, после 17 сентября 1827 г. «дальнейшая работа в ПД, № 833... велась исключительно в той ее части, которая заполнялась с обратного конца тетради... во второй половине сентября-первой половине октября... Пушкин продолжил работу над „Арапом Петра Великого“... к середине сентября Пушкиным были написаны две первые главы его исторического романа... Учитывая, что текст начала главы на л. 21 в ПД, № 836 заканчивается фразой „Однажды etc“, можно предположить, что продолжение этого фрагмента... уже было записано²⁸ в тетради № 833 (как мы предполагаем, на вырванных листах между л. 84 и 83)... Затем работа над „Арапом“ снова была перенесена в ПД, № 836... к моменту продолжения работы над второй главой романа Пушкин изъясил из ПД, № 833 весь написанный в ней текст этой главы, оставив в тетради лишь начало и конец записи, так как на этих же листах находились тексты других произведений»²⁹.

Но если считать, что все заметки, включая и заметку о Таците, были записаны (без перерыва в два года) — в 1825 г., то Пушкин именно поэтому не вырывал л. 60 в ПД, № 833, чтобы сохранить для работы над «Графом Нулиным» заметку о Таците в тетради, а не потому, что перебелил роман, оставив не только л. 60 об., но и л. 61, на обороте которого были записаны черновики стихотворения «Баратынскому»: («О ты который сочетал С глубоким чувством [разум] верный [И строгий вкус и слог примерный] [Равно далекий] [Сентиментальности] манерной» — т. III, с. 620).

²⁸ Эта общая для многих пушкинистов посылка хорошо известна. См.. Петрунина Н. Н. Две «петербургские» повести. Пушкин. IN: Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 152. Достаточно вспомнить, что Н. Н. Петрунина (опираясь на уже ставшую традиционной гипотезу о первоначально «потерянной» какой-то рукописи) писала: «Расшифровываются отсылки без труда. Первая из них, непосредственно следующая за словами "Теперь позвольте познакомить вас с Charlotte", такова: "В одной из etc.". В самом деле, при скромных размерах фрагмента... в нем трижды встречаются фразы, на полуслове оборванные значком "etc", — известная исследователям пушкинских рукописей форма отсылки к другому автографу, где уже раньше сложилась начатая фраза или более крупный отрезок текста, открывающийся приведенными словами. Ясно, что... работа над повестью была продолжена за пределами этой тетради».

²⁹ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833, *ibid.*, с. 261-262.

Кажется, к доказательствам альтернативной истории можно указать еще на одну маркирующую деталь. На лицевой стороне л. 62 (84 по Иезуитовой) с окончанием статьи «Извлечения из Беральда Савойского» есть отпечатки следов с л. 61 об. (83 об. по Иезуитовой):

л. 61 оборот (83 об. по Иезуитовой)
Иезуитовой)

лист 62 лицевой (84 по

Эта фиксация следов удостоверяет, что запись «Баратынскому» и концовка конспекта о Беральде были сделаны одновременно.

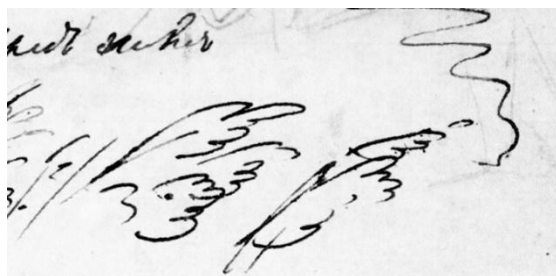
Кроме того, сопоставляя рисунки Пушкина на л. 59 об. (с текстом из заметки «Гордиться славою своих предков...») и л. 83 об. (со строчками из «Баратынскому») нельзя не отметить сходства деталей рисунка:

л. 83 об.

л.

59

об.

Сходство не только в связи с тем, что Пушкин «набил» уже руку в рисовании веточек, а в местонахождении «кроков» — по соседству, не считая отсутствующих в тетради уже вырванных листов.

Но, самое главное в том, что сохранившиеся фрагменты в ПД, № 833 (если не фантазировать о содержании на вырванных листах) свидетельствуют о полном отсутствии каких-либо географических определителей: ни Париж, ни Петербург в сохранившихся черновиках не упоминаются.

Фактически «письмо» и «размышления» в момент их записи могли быть «пробами пера» или любым «перепевом» писанного и прочитанного. Поэтому-то черновики в ПД 833 на л. 60 об.-61 могли представлять фрагменты начала некоего повествования, замысел которого возник значительно *ранее 1827 г.*

Кстати, в обоих автографах в тетради ПД, № 833 имена «милая Леонора», «граф L.» и «графиня D» указывают на то, что Пушкин еще не определил как он назовет действующие лица.

К тому же, если судить по нарративу в ПД, № 833 имя героя «Ибрагим», появляется только в автографах ПД, № 836, о вырванных листах умолчим. Другое дело, что к работе над замыслом «исторического романа» Пушкин мог вернуться и в августе 1827 г., в результате чего в феврале 1828 г. были перебелены шесть глав романа.

Видимо, можно и надо говорить о двух приступах при написании сохранившихся автографов — *сперва* в ПД, № 833 на л. 60 об.-61: собрание материалов о судьбе Ганнибала (Ганнибалов) с осени 1824 и *до осени 1826 г.* свидетельствует, что замысел романа *возник* во время пребывания в Михайловском после высылки из Одессы и до отъезда в Москву на коронацию Николая I.

Затем уже — *осенью* 1827 г. в ПД, № 836 на л. 20 об.-22 об. и 23 об.-29 об. — Пушкин вернулся к работе над замыслом намеченного ранее повествования. И для сведения всего написанного ранее в новой редакции романа он, может быть, и вырвал 9 листов с *неизвестными нам черновиками* из тетради ПД, № 833.

О конструкции фрагментов П. Д. Якубовичем в ПД, № 836 на л. 20 об.-22 об. уже было сказано.

Р. В. Иезуитова, как и Г. А. Лапкина, исходя из традиций, строго следовала за текстом П. Д. Якубовича, указывая страницы по академическому изданию, например, «(см.: VIII, 527-528)». Затем на лл. 21-21 об. он «записал текст от слов "Дни, месяцы проходили" до "следующее письмо" включительно (VIII, 522-523)»³⁰.

Столь же строго она писала и о вырванных страницах: «Между л. 22 и 23 корешок вырванного листа (л. 22а) с остатками букв, написанных чернилами. Следующий лист вырван... Между л. 24 и следующим, л. 25, вырвано три листа (на обрывках листов следов текста не имеется)... Между л. 27 и л. 28 вырвано 20 листов (см.: VIII, 530): «Далее в тетради ЛБ 68 вырвано 20 листов (главы IV, V, нач. VI)»»³¹.

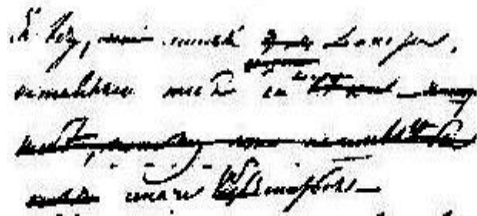
³⁰ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 128.

³¹ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 128-129.

Текстолог считает, что к 16 сентября 1827 г. («как это явствует из дневниковой записи А. Н. Вульфа, помеченной этим числом»), Пушкин «написал две главы... к этому времени были заполнены черновиками "Арапа" листы 23-26... Это позволяет считать верхнюю часть л. 26 границей, разделяющей записи 31 июля-15 сентября 1827 г. и записи, относящиеся ко второй половине сентября-10-м числам октября (времени отъезда Пушкина из Михайловского)»³².

Мне кажется, что Р. В. Иезуитова была несправедлива к мемуаристу, поскольку ее заключение не может быть признано за логическое выведение из автографов: «Вульф, надо полагать, ошибался, утверждая, что видел в одной из двух масонских тетрадей Пушкина (а именно в тетради № 836) I и II главы романа. Как указывалось выше, основная часть II главы была записана в ПД, № 833. В тетради же № 836 Вульф видел фрагменты I и III глав»³³.

Последнее утверждение выведено на основе перебеленного в 1828 г. текста, однако осенью 1827 г. разделения на главы в ПД, № 833 и ПД, № 836 еще не было. Возможно, вырывая листы из тетради ПД, № 833, но оставляя записи на л. 61-60 об., Пушкин сохранил просто «фабульное» обоснование как «письму» своего героя, так и его размышлениям о будущей жизни:

«Я еду. милая Леонора, оставляю тебя на всегда [Пишу тебе, потому что не имею сил] иначе объяснить» и т.д.

Новый нарратив Пушкин корректировал в рабочей тетради ПД, № 836:

³² Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 145.

³³ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 (История заполнения), *ibid.*, с. 145, прим. 44.

22.
 Миср. скоро собрался в дорогу. Накануне отъезда провел он, по обыкновению,
 вечер у графини... Она несколько раз подзывала его к себе и шутила над его
 задумчивостью. После ужина гости разъехались. Остались в гостиной графиня, муж
 ее да Ибрагим. Ибрагим отдал бы половину жизни, чтоб только остаться с нею
 наедине; но граф, казалось, расположился у камина так спокойно, что нельзя было
 надеяться выжить его из комнаты. —»

Вслед за этим автор непосредственно на л. 22 об. продолжил свой нарратив:

«Все трое молчали. "Vonne poit", сказала наконец графиня. Сердце Ибрагима
 стеснилось и вдруг почувствовало все ужасы разлуки. Он стоял неподвижно. "Vonne
 nuit, messieurs", повторила графиня. Он всё не двигался... наконец глаза его
 потемнели, голова закружилась, он едва мог выдти из комнаты... Приехав домой, он
 почти в беспамятстве написал следующее письмо...»

Исходя из максимы, что психологическая «основа повести — душевный опыт самого Пушкина»³⁴ и экстраполируя свои «биографизмы» на Ибрагима и графиню D, Т. Г. Зенгер-Цявловская примеряла ситуацию романа к... автору.

При этом она не вспоминала в этот раз ни о романе Б. Констана «Адольф»³⁵, ни о переписке Пушкина с К. А. Собаньской (?): «Chère Ellenore, permettez moi de vous donner ce nom qui me rappellent et [vos] [v] [et]...» («Дорогая Эллэнора, позвольте мне дать вам это имя, которое мне напоминает»)³⁶. Зато о жене М. С. Воронцова исследователь сочинила статью на 82 страницы.

Но эти «биографизмы» к роману имели отношение только внешними приметам сходства — обе дамы были титулованными особами (графинями), да и к тому же они были — Собаньская (1795 г. рождения) и Воронцова (1792 г. рождения) на 5 и 8 лет соответственно — старше Пушкина. Столь же «ложный» след можно найти и в подтекстных образах.

Напомню, например, что в сонете А. Мицкевича³⁷ «Do D. D. (Wizyta)» последние строки напоминают ситуацию фрагмента на л. 22 в ПД, № 836:

O przeklęty nudziarzu! ja liczę minuty,
Jak zbrodniarz, co go czeka ostatnia katusza:
Ty pleciesz błahe dzieje wczorajszej reduty.
Już bierzesz rękawiczki, szukasz kapelusza,
Teraz odetchnę nieco, wstąpi we mnie dusza...
O bogi! znowu siada, siedzi jak przykuty!

Докучливый глупец! Мне дорог каждый миг,
А он, он все сидит и чешет свой язык...
Но вот он привстает... ух, даже сердце бьется!
Вот встал, вот натянул перчатку наконец,
Вот шляпу взял... ура! уходит!.. О творец!

³⁴ Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...», *ibid.*, с. 61.

³⁵ «Первый русский перевод „Адольфа“ появился в 1818 г. под заглавием: „Адольф и *Елеонора*, или опасности любовных связей, истинное происшествие“, и был напечатан в Орловской губернской типографии... можно предположить, что Пушкин прочел „Адольфа“ вскоре по выходе романа в свет». А. А. Ахматова. "Адольф" Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. IN: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.-Л., 1936. [Вып.] 1, с. 92.

³⁶ Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...», *ibid.*, с. 59-61. Она вычитывала в черновиках <Арапа Петра Великого> даже «личные переживания», связанные с Е. К. Воронцовой.

³⁷ «Sonety Adama Mickiewicza» появились в Москве в декабре 1826 г. (См.: С. Ланда Примечания. IN: А. Мицкевич. Сонеты. М., 1976, с. 302.). В рецензии П. А. Вяземского на «Сонеты» замечателен призыв: «Надеемся, что сей пример побудит соревнование и в молодых первоклассных поэтах наших и что Пушкин, Баратынский освятят своими именами желаемую дружбу между Русскими и Польскими Музами». IN: «Московский Телеграф», 1827, ч. XIV, № 7, с. 222

Погибли все мечты: он сел, он остается!³⁸.

Но с текстологической точки зрения вряд ли эти совпадения каким-либо образом были связаны с первыми черновиками.

На выставке картин в 1827 г. А. С. Андреев вспоминал слова, сказанные Пушкиным: «Кисть, как перо: для одного — глаз, для другого — ухо... Да, это, как стихи, под известный каданс можно наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих, — и все начали писать хорошо»³⁹.

В 1827 г. Пушкин снова таким же образом собирался ударить «об наковальню русского языка» чтобы «вышла» проза.

Но вернулся он к отправной точке, с которой началось когда-то его восхождение на «вершину культуры» в поэзии.

Теперь надо было ему открыть «протеистический» характер прозаического письма. Естественно, что опыт контекстных образов и «гнезд» в поэтических созданиях⁴⁰ не мог не отразиться и в опытах прозаического письма.

Вместе с тем, сами по себе контекстные трансформации без их взаимодействия с другими информативными плоскостями *истории и быта* не могли быть системообразующими факторами.

Н. Н. Петрунина писала: «Естественно, что именно преимущество привлекает внимание в двух произведениях, принадлежащих к одному жанру. Но ведь "Арап Петра Великого" написан в 1827 г.. "Капитанская дочка" увидела свет немногим более чем за месяц до трагической гибели своего создателя, ей суждено было стать последним словом Пушкина-прозаика. Перед нами две крайние точки развития Пушкина — исторического романиста и... прозаического сюжетного повествования Пушкина вообще, два произведения, во многом типологически несходные»⁴¹.

Вывод Н. Н. Петруниной отменял традиционные концепции: «Конкретные изучения поэтики и стиля "Арапа Петра Великого"... складываются в картину, обнаруживающую черты типологического и стадийного несходства с генезисом и повествовательной системой "Капитанской дочки"»⁴².

Это несходство незаконченного романа об <Арапе Петра Великого> и законченной «Капитанской дочке» различали немногие. Еще В. Г. Белинский высказывал

³⁸ См.: А. Мицкевич. Лирика. М., 1963, с. 70 (Перевод В. Левики).

³⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. М., 1985, т. 2, с. 329.

⁴⁰ См.: Шварцбанд С. М. Пушкин: правда вымысла. Toronto. 2012.

⁴¹ Петрунина Н. Н. От «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке». IN: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. XI, с. 131.

⁴² Петрунина Н. Н. От «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке», *ibid.*, с. 132.

недоумение («Не понимаем, почему Пушкин не продолжил этого романа»⁴³), овладевшее впоследствии многими учеными, которые пытались объяснить причины незавершенности «семейственной истории» сюжетными вариациями⁴⁴.

Г. А. Лапкина, используя литературу по изучению прозы Пушкина, в поиске всеобъясняющей идеологемы пришла к неутешительному выводу: «Поэт видел, что царь не только не может, но и не хочет вносить в современное положение какие-либо существенные изменения, что все его обещания — только лицемерное прикрытие реакционной политики... Возможно, что эти обстоятельства и были одной из основных причин, по которой Пушкин отказался от его продолжения. Однако для того чтобы окончательно решить, почему не был закончен "Арап Петра Великого", у нас пока нет более определенных данных»⁴⁵.

Следует обратить внимание на разницу *интимных* мыслей в письме («Счастье мое не могло продолжиться Я наслаждался им вопреки Судьбы и Природы. Ты должна была меня оставить. Очарование должно было исчезнуть») и *медиативных размышлений* («Мысль быть сподвижником Великого человека и с ним совокупно действовать на Судьбу великого народа, возбудили благородное честолюбие...»).

Итак, раздельное написание «письма» и «размышления» позволяют считать, что до августа-сентября 1827 г. никакого «сложившегося» во время работы в ПД, № 833 замысла еще не было, а то, что произошло в черновиках ПД, № 836, уже было другой *текстологической* историей.

Вероятно, Пушкин только в сентябре-октябре 1827 г. пришел к мысли «переписать» заготовки некоего светского повествования на лл. 60 об. («Он видел, что новый образ жизни...»), 61 («Я еду, милая Леонора...») в ПД, № 833 (а также, возможно, на девяти вырванных листах) и начать работу сперва над «семейственной историей», а затем уже над «историческим романом». Как бы там ни было, но именно черновики в ПД, № 833 на л. 60 об.-61 представляются фрагментами начала некоего повествования, замысел которого возник *не позже сентября 1826 г.*

При этом у нас нет ни одного *фактического* довода датировать его 1827 годом.

Однако фабулы эпизодов из жизни А. П. Ганнибала, приезда Корсакова и пира Гаврилы Афанасьевича Ржевского, интрига со сватовством к его дочери и появление в нарративе «стрелецкого сына Валериана» — все они требовали своего сюжетного разрешения и... переплетения разных стилей.

⁴³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, *ibid.*, т. VII, с. 576.

⁴⁴ См., например: Ауслендер С. «Арап Петра Великого». IN: А. С. Пушкин (Брокгауз и Ефрон), т. IV («Пушкин не только не кончил "Арпапа", но и как-то мало-помалу замолчал и о своем романе, и о Ганнибале...»); Оксман Ю. Г. «Арап Петра Великого». IN: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 6 тт. Путеводитель по Пушкину. М.-Л., 1931, т. VI с. 40-41; В. Б. Шкловский. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937 и т.д.

⁴⁵ Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого», *ibid.*, с. 308-309.

Утверждение, что «роман был задуман как широкое историческое полотно... в котором общественное положение Ибрагима... было важнее интимных событий в его судьбе»⁴⁶, — идеологическое, а не художественное. Впрочем, в этом утверждении не было и эстетической мысли.

Но, потерпев поражение в попытке создания «семейственного» романа в 1824-1828 гг., Пушкин сохранил верность искусству и уверенность в своей теоретической правоте.

Как когда-то стихотворный опыт помог Пушкину в деле освоения вершин поэзии, так и прозаический опыт 1824-1827 гг. раньше или позже должен был завершиться творческой удачей.

⁴⁶ Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого», *ibid.*, с. 309.